

ния на конгрессах, разнообразные по своей проблематике, всегда привлекали внимание и пользовались заслуженным успехом. Научное наследие В.Ф. Генинга велико. Им издано свыше 200 работ, в том числе более двух десятков монографий и научно-популярных книг.

Говоря о жизненном пути В.Ф. Генинга, нельзя не отметить, что его широкие интересы во многом определялись педагогической деятельностью даже тогда, когда он работал не в учебном, а в научно-исследовательском учреждении (г. Киев, Укр. АН). Его глубокие научные познания, эрудиция, творческие инициативы привлекали молодых ученых, студентов. В.Ф. Генинг был прекрасным педагогом, великодушным организатором, высоким профессионалом. Его наследие поистине грандиозно, значимо, без сомнения, оно найдет достойных последователей в лице его учеников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Опись 4. Дело № 55.

² *Ашихмина Л.И.* Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур древности и средневековья. Сыктывкар, 1995.

³ *Ковалева В.Т.* В.Ф. Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края. (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, УрГУ, 1990.

Павлова И.П.,
Санкт-Петербург

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ В РОССИИ В ГЕРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Быстрые темпы развития российского общества в конце XIX – начале XX века привлекли внимание обществоведов Европы, побудили их к идее «причисления» России к социальному полю передовых западных стран, к анализу методов и приемов регулирования общественных отношений, существующих в нашей стране.

В Германии в конце XIX века вследствие стремительного объединения страны и бурного экономического развития социологическая

мысль активизировалась и шел процесс обобщения опыта благотворительности, деятельности социальных служб как отдельных немецких земель, так и соседних государств. Выходят из печати работы по зарубежному (ausländische) общественному призрению, социальному законодательству, библиографические обзоры трудов, отражающие деятельность по решению проблемы бедности в индустриальном обществе. Речь идёт в данном случае не об обличающих памфлетах социалистов, не о марксистской литературе, а об исторических и социологических исследованиях, анализирующих уже существующие процессы и явления.

Первой обобщающей работой по российской благотворительности на немецком языке стала статья фон Буксгевдена¹. В ней на примерах деятельности Императорского Человеколюбивого общества, Ведомства учреждений императрицы Марии, переживающих период становления земских структур, были раскрыты организационные условия для решения проблем нищенства и бедности в России. Хотя статья была опубликована в ежегоднике по законодательству, управлению и народному хозяйству Германского Рейха, это был взгляд «изнутри», так как автор – остзейский немец, активный благотворитель – был одним из российских чиновников.

В 1880 году был создан Германский Союз по призрению и благотворительности. Под его началом издавался журнал, на страницах которого публиковались обзоры новых достижений в области призрения бедных в «важных для нас», как писалось в подзаголовке, т.е. для благотворительного союза, странах. Российская Империя первоначально не попадала в сферу интересов немецких благотворителей. Но в 1890-е годы в общих работах о проблеме бедности появляются фрагментарные данные о России, о традициях благотворения. Так, профессор политической экономии Лейпцигского университета Вильгельм Рошер в работе «Система призрения бедных и мероприятий против бедности», изданной в Германии в 1894 году, использовал данные и по России. Эта книга была переведена на русский язык по поручению Попечительства о трудовой помощи, состоящего под руководством императрицы Александры Федоровны. В молодые годы Рошер был попечителем бедных, а с 1890 года читал лекции, посвященные мероприятиям против бедности. Анализируя состояние попечительской работы в Англии, Франции, Германии и других стра-

нах Европы, автор отметил такие характерные для России моменты в деле вспомоществования, как сохранение для большинства населения, живущего в деревне, традиционных форм общественной поддержки. Ведущее место в деле помощи обездоленным на селе было подворное содержание больных, сирот, немощных за работу. Это был принцип, согласно которому милостыня, если возможно, должна соединяться с предоставлением бедному какого-либо занятия. Такой принцип, указывал Рошер, применялся в редконаселенных странах, в которых устройство работных домов было затруднено большими расстояниями². В монографии использованы также некоторые данные по России о детских воспитательных заведениях и страховании.

Пристальное внимание к российскому опыту привлекла хорошо оформленная и насыщенная конкретными примерами экспозиция на Всемирной Выставке в Париже в 1900 году. В разделе о деятельности публичных обществ было представлено 77 учреждений и заведений страны. По обширности материалов в этом разделе Россия занимала второе место после хозяйки выставки – Франции. Модели, фотографии, статистические отчеты и ряд специально для выставки подготовленных сборников создавали впечатление обширного и планомерного призрения бедных в этой стране. Создатели выставочных материалов добились своих целей. Материалы по благотворительности в России стали публиковаться в западных журналах, где традиционно печатались исследования только о развитых европейских странах: Великобритании, Австрии, Швеции, Франции, Северо-Американских Соединенных Штатах, Италии, Бельгии и Нидерландах.

Первым аналитическим обзором благотворения в России в немецкой литературе стал соответствующий раздел в исследовании Эмиля Мюнстерберга, доктора юриспруденции, члена городского совета Берлина, известного теоретика благотворительности. В обновленном издании книги по зарубежному призрению бедных, вышедшем в 1901 году, два традиционных раздела посвящены социальным службам в России: о современном состоянии и о перспективных направлениях дальнейшего развития призрения в империи. Автор использует статистические сведения, собранные в результате проведенной по приказу императора переписи населения. Ее данные были опубликованы на русском и французском языках в 1899 году. Мюнстерберг обращает внимание на то, что число благотворительных учреждений,

имеющихся в России, нужно соотносить с количеством населения в стране, степенью концентрации заведений по признанию в отдельных городах и регионах. Число жителей страны по переписи составляло 131 миллион человек. Общее число благотворительных заведений – 14854. Это значит, что, хотя Россия имела немало современных учреждений вспомоществования, таких как, например, как самый большой в мире Дом малютки, их число значительно отставало от потребностей, и при этом было распределено по гигантской территории крайне неравномерно. Обнадеживающей была тенденция ускоренного роста числа заведений вспомоществования. «Темпы развития социальной работы в России, – писал германский обществовед, – вызывают изумление».

В числе положительных моментов развития российского благотворения Мюнстерберг выделяет тщательность изучения зарубежного опыта. Формы признания и благотворительности в России в целом были схожими с другими странами. Они состояли в полном содержании призреваемых в специальных учреждениях, поддержке бедных семей со стороны общества, обеспечении врачебной помощи, создании заведений по выкармливанию, воспитанию младенцев и т.п. Последнее направление, было чрезвычайно развито в России, что является, по мнению германского специалиста, отличительной чертой всех стран с «молодой» культурой³. Здесь особенностью России на современном этапе, как считает автор аналитического обзора, стало преимущественное развитие детских учреждений, создаваемых с целью бесплатного обучения и ухода за больными. Масштабы и уровень обслуживания Московского Дома по признанию «подкидышей» привлекли пристальное внимание Мюнстерберга. Он подробно описал и проанализировал деятельность этого образцового заведения.

Характерной чертой всей складывающейся социальной системы в России было выдающееся участие в ее формировании царской семьи, прежде всего женской части Романовского дома. Конечно, германский исследователь не мог не отметить особый вклад в благотворительное дело немецких принцесс, ставших русскими царицами. В их ряду он выделил Екатерину Великую, как создательницу системы Приказов общественного признания, Марию Фёдоровну, которая, как он писал, с «неиссякаемым усердием и неистощимыми затратами времени и личных сил» посвящала себя делу благотворения.

По ее смерти в учреждениях, находящихся под покровительством императрицы, содержалось более 2000 детей, призревалося 3100 лиц обоего пола, и обеспечивалось врачебной помощью более 12000 больных. Ведомство Императрицы Марии оставалось до начала XX века наиболее разветвленным и масштабным среди других подобных общественных структур. Поощрительного внимания заслужила также активная деятельность правящей императрицы Александры Федоровны, которая стала курировать «Попечение над домами трудолюбия» (Arbeitshilfe) и Императорское Человеколюбивое общество (с 212 и 274 учреждениями соответственно).

Устойчивое развитие к концу XIX века получило в российском благотворении «больничное» направление. Однако в число учреждений по призрению входили по данным российской статистики, и учреждения при фабриках и заводах, что не позволяло вычлнить собственно благотворительные заведения. В Германии и большинстве стран Европы медицинские учреждения, создаваемые в рамках фабричного законодательства, не считались благотворительными. Положительно оценивались регулярно проводимые в стране кампании по борьбе с туберкулезом. Первая лечебница была открыта в 1889 году на 120 больных и отвечала всем современным требованиям. Особенно развито это направление было в Москве, Варшаве, Киеве. Положительное значение имел опыт Финляндии, где правительство приняло решение основать несколько заведений, расходы по строительству которых оно брало на себя, а расходы по содержанию больных несли на себе городские коммуны, которые посылали больных. Среди позитивных черт российского призрения германские обществоведы выделяли усилия по совмещению благотворительной работы с деятельностью по воспитанию, народному просвещению.

Какие же первоочередные задачи, по мнению профессора Мюнстерберга, стояли перед российским благотворением? Во-первых, это более равномерное распределение учреждений по призрению неимущих по всей стране, «выравнивание» общей ситуации.

Такая высокая степень концентрации благотворительных заведений, как в российских столицах, не наблюдалась в Европе, где дело общественного призрения традиционно находилось в ведении городских и земельных общин, и поэтому учреждения вспомоществования, приюты были распределены более равномерно по территории страны.

Во-вторых, ученый обратил внимание на то, что недостаток равномерности и слаженности в работе существующих учреждений нужно искать не в законодательстве или хозяйственном состоянии страны, а в первую очередь – в традициях и обычаях. Существующие государственно-политические территориальные, общественные и производственные структуры (губернии и уезды, города и села, дворянские общества, гильдии и цеха) обязаны по закону предупреждать нищенство и заботиться о «принадлежащих» им бедных согражданах. Этот долг, по крайней мере, в главных городах выполнялся, но нищие из соседних областей концентрировались именно там, что отягощало обстановку в крупных городах, столицах. Иллюстрируют это явление жители деревни Макарово Воронежской губернии (8000 человек), которые создали по сути индустрию нищенского промысла. Рассматривая общественно-исторические причины такого явления, Мюнстерберг обратил внимание на «негативные» следствия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Освобожденные крестьяне не были готовы к самоопределению своей участи и привыкли как в хорошем, так и в негативном смысле полагаться на хозяев-помещиков. Отсюда склонность крестьянства к бродяжничеству и зависимости, надежда на хозяев фабрик, где условия кажутся более благоприятными при недостатке земли в деревне. Это представление о нехватке работы вследствие недостатка земли казалось германскому обществуведцу удивительным, так как сопоставление показателей плотности населения России и Германии, конечно, не обнаруживало подобную проблему. Большую роль, по мнению автора, играет характер населения, который отличается безразличием, фатальностью и при этом добродушием. Просьбу подаяния русские не рассматривают как унижение, а даже через большие пожертвования поддерживают. С другой стороны, причинами нищенства являются пьянство, нерасположенность к напряженной работе, недостаток образования и другие. Поэтому меры борьбы с этим явлением, подчеркивал Мюнстерберг, должны включать в себя не только уход за бедными, но и преодоление алкогольного злоупотребления, создание системы образования.

Криминальные проблемы, вырастающие на основе нищенства и бродяжничества, побуждали специалистов выработать конкретные системы мер против этих сторон общественной жизни России. Министр юстиции создало специальную комиссию для создания

соответствующей программы. Юрист фон Лёвенштим опубликовал в Германии статью, в которой показал особенности российского нищенства, такие, как попрошайничество не из бедности, а из нежелания работать, широко распространенную эксплуатацию детей и др.⁴ Но в целом формы, варианты нищенской «обрядовости» в России были схожи с распространенными в Европе. В числе необходимых мер Лёвенштим выделил пропагандистскую работу по воспитанию в обществе понимания преимуществ подачи подаваний в специальные фонды перед прямой традиционной милостыней, развитию достаточного призрения для неспособных к труду. Однако эта работа, считают ученые, в условиях России в сравнении с другими странами значительно затруднена недостатками в управлении и ограниченностью средств.

Исследование места российского вспомоществования в мировом опыте благотворительности через анализ западноевропейской литературы затруднено разнообразием, различием понятий, связанных с социальной помощью. Некоторые из них в социологической литературе конца XIX – начале XX века только обретали устойчивую форму. Прямой перевод слов часто не отражает их содержательной стороны. Первую попытку согласования употребляемых понятий мы находим у Мюнстерберга. Автор сопоставляет французские (*societes, etablissements*), немецкие (*offener, geschlossener*) и русские слова-понятия, употребляемые в документах и печати. Французские слова, считает автор, не вполне отражают наиболее используемые в русской литературе понятия «общественное, частное призрение», «открытые или закрытые заведения». Приведенные термины были заимствованы из немецкого языка российскими обществоведами. Однако в русскоязычной литературе они встречались мало, так как не вполне совпадали с устойчивой терминологией вспомоществования. Так, В.А. Гаген в работе «Право бедного на призрение», посвященной истории призрения в Германии, Франции и Англии, вынужден был разъяснять, что помощь на дому – это открытая форма вспомоществования, а содержание в специальных заведениях – закрытая⁵. Немецкая терминология, не вполне совпадала со сложившимся в русской литературе к началу XX понятийным аппаратом. Это было связано с разной степенью распространения вариантов форм вспомоществования. Например, в Германии большое значение имели виды так называемой открытой помощи, то есть помощи «на дому», а также колонии для бед-

ных, где одновременно призревались старики, существовали больницы и дома для умалишенных, отделения для детей. В России сходные с немецкими «открытые» формы призрения существовали в Москве, Прибалтике, Финляндии, но мало были распространены в других районах. Преимущественное же распространение получили специализированные учреждения, такие, как сиротские дома, богадельни, ночлежные дома, приюты с ремесленными училищами, работные мастерские и т.д.

Показательным для выяснения разницы в подходах к понятийному аппарату молодой социологии России и обществоведов Германии является анализ понятия «бедный». «Armen» – главное слово справочных изданий начала века, аккумулирующее в себе сердцевинную проблему сферы вспомоществования⁶. Уход за бедными – это, прежде всего, поддержка работоспособных городом и общинами созданием специальных фондов и домов для бедных. В конце XIX века, как писал Лоренц Штейн, бедность из экономического и этического понятия превратилась в административно-правовое⁷. В России слово «бедный» понималось по-другому и в документах, обществоведческой литературе практически не использовалось.

Внимание немецких авторов привлекли в России и стремления к индивидуализации вспомоществования. Яркий пример в этой области представляли благотворительные организации в Москве, объединившиеся под руководством городской общины в 1894 г. Средства на их деятельность складывались как из государственных, так и добровольно-частных вложений. Мюнстерберг считал подобную систему близкой к швейцарской (Цюрих). Но по максимальной же персонализации дела он сравнивал московскую систему общественного призрения со знаменитой Эльберфельдской системой. Положительную роль в Москве играли также и справочные книги по благотворительным учреждениям города. К прогрессивным тенденциям во взаимодействии властей и общественных организаций по вспомоществованию автор отнес «разрешающую» линию создаваемого законодательства по решению проблем бедности в России. Она проявлялась в том, что вопросы о деятельности благотворительных обществ переходили из ведения центральных органов власти местным органам управления.

В целом, делается вывод о недостаточности проводимых преобразований в стране в области решения проблем бедности. Огромная территория и преобладание сельского населения затрудняют работу в этом направлении. Надежду у авторов вызывало проводимое с 1892 года реформирование системы помощи нуждающимся и осознание общественными силами России необходимости объединения усилий в борьбе с бедностью и нищетой.

В справочно-энциклопедической литературе начала века в специальных статьях российское вспомоществование не отражено. Но о том, что внимание к российскому опыту существовало, свидетельствует, например, статья в известной энциклопедии Майера (*Meyers grosses konversations-lexikon*) о благотворительных почтовых марках. В ней говорится, что издание подобных марок производилось в Дании, Швеции, Норвегии и Великобритании⁸. Для сравнения в энциклопедии указано, что в Германии подобные марки издаются частным образом по специальному разрешению 1906 года и приклеиваются только на обратную сторону.

Таким образом, мы видим, что российское благотворение привлекло на рубеже веков внимание германских обществоведов. Изучение работ западных историков и социологов XIX – начала XX веков позволит определить особенности системы общественного призрения в России, обобщить накопленный в дореволюционный период опыт в этой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Buxhöwden O.* Die Armenpflege Rußlands // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Hrsg. Von Gustav Schmoller, Jahrg.X, Heft 3. Leipzig, 1886. С.85 – 123.

² *Roscher W.* System der Armenpflege und Armenpolitik. Ein Hand und Lesebuch für Geschäftsmänner und Studierende. Stuttgart, 1894. S.177.

³ *Münsterberg E.* Das ausländische Armenwesen. Übersicht über die neueren Bestrebungen auf dem Gebiet der Armenpflege in den für uns wichtigsten Staaten des Auslands. Neue Folge. Leipzig, 1901. S.292.

⁴ *Löwenstimm A.* Das Bettlergewerbe mit besonderer Berücksichtigung der russische Verhältnisse. Kriminalistische Studien. Berlin, 1901.

⁵ *Гарен В.А.* Право бедного на призрение. Т.1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб, 1907. С.1.

⁶ См.: Kürschners Universal Konversation Lexikon. 5. Berlin und Leipzig. Hermann Hillger Verlag. 1912.

⁷ Stein L. Handbuch der Verwaltungslehre. Dritter Teil. Die Verwaltung und das Gesellschaftliche Leben. Stuttgart, 1888. S.93.

⁸ Meyers großes Konversationslexikon. 6.Auflage. 20 B.1908, Leipzig und Wien, 1908. S.716.

Перова О.А. ,
Екатеринбург

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.: «АНАТОМИЯ ЕВРОПЫ»

Во второй половине XVII в. Московское государство играло важную роль в системе международных отношений, сложившейся в Европе после окончания Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. В это время в России значительно возрос интерес к современным событиям, происходившим в европейских государствах.

Систематический сбор информации о текущих европейских делах являлся одной из функций Посольского приказа, во главе которого во второй половине XVII в. стояли такие яркие политики и дипломаты, как А.Л. Ордин-Нащокин (1667–1671), а затем А.С. Матвеев (1671–1676). Обоих начальников Посольского приказа принято считать «западниками». Находясь во главе Посольского приказа, они заботились о пополнении приказной библиотеки иностранными сочинениями как духовного, так и светского содержания.

Одним из важных направлений работы Посольского приказа была переводческая деятельность. Переводчики должны были проверять правильность написания царского титула в иностранных грамотах, приходивших в Посольский приказ: «...Нет ли в тех грамотах какие прописки в титлах, и как печатаны, по достоинству ли или буде с каким повреждением...// и подлинно приказать осматривать переводчикам тех языков, которым языком которого государя грамота прислана будет»¹. Информация о прописках тщательно фиксировалась и могла быть использована на переговорах в качестве аргумента, доказывающего, что противоположная сторона нарушила договор.

В задачи Посольского приказа входил перевод не только доку-